

The background of the cover is a stylized illustration. In the upper left, a figure in a white robe with a halo, likely a saint or Jesus, stands on a rocky outcrop, looking upwards with hands clasped in prayer. The rest of the scene is composed of dark, jagged, angular shapes in shades of blue, green, and black, suggesting a desolate, mountainous landscape. A few thin, dark tree trunks are visible on the right side.

16+

Забывтый
Грааль
Ольга Озерцова

Ольга Озерцова

Забывтый Грааль

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57487041

SelfPub; 2021

ISBN 978-5-532-04282-7

Аннотация

Находка берестяной грамоты и обнаружение рукописи исторического романа связаны с легендой о Злых камнях. Они лежат на краю обрыва у реки, и там происходят странные преступления. Чтобы разобраться в этом, современным ученым нужно раскрыть тайну камня-змеевика, талисмана, появившегося в старинном русском городе в XII веке, тогда же, когда Кретьеном де Труа был написан роман о Граале.

Эта история связана с романами «Веснянка» и «Талисман Шлимана», входящими в цикл «Третий Китеж».

Содержание

Забытый Грааль	4
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Ольга Озерцова

Забывтый Грааль

Забывтый Грааль

Весеннее убийство

«И хотящему идти в таковое место святое никакого помысла не иметь лукавого. Крепко блюдишь мыслей злых, стремящихся отлучить от места того.

Если же пойдет, и сомневаться начнет, и славить везде, то таковому закроет господь град. И покажется он ему лесом или пустым местом.

И сей град Большой Китеж невидим стал ...»

Так написано в «Китежском летописце»

«Но чтоб в замок этот попасть,
Не нужны ни усердьё, ни власть,
Ни удача, ни разум могучий, —
Лишь судьбой уготованный случай.

В неведение священном приходят к этим стенам.

Зовётся замок Мунсальвеш...»

Это уже Вольфрам фон Эшенбах о замке Грааля.

Почему у нас на Руси возникла легенда как бы об Атлантиде наоборот, о тайных сокровенных городах, где спрятано особое сокровище, Сказание о граде Китеже я имею ввиду? Он стал невидим не из-за того, что жители оказались бесчестны и злы, а прямо по противоположной причине, чтобы спасти, сохранить что-то хорошее и дивное. Больше похоже на Грааль, только конкретнее. У нас даже места называют, где находится. И желание найти путь к городу из легенды обостряется, когда у людей возникает чувство гибели, и они не понимают, что происходит. Как тогда, в 1240 году. Наверное я расскажу об этом на лекции и напишу статью, подумал профессор.

Он перечитал цитату из летописи:

«В лето 6748 (1240) ... Везде был дым и гарь, и люди не знали, куда брели».

Когда боль, это еще не так страшно. Страшно, когда не знаешь, куда идти. Что они искали тогда, когда все погибло, уж не этот ли Градонеж, куда уехал сейчас Глеб, его аспирант. Забавный такой городок. Его жители считают, что все катаклизмы русской истории их почти не затронули. Что они сумели сохранить то, что другие не сберегли. Легенда эта – плод местного патриотизма, но то, что в Градонежском музее хранятся интересные рукописи начала XX века, это точно. А когда я рассказал Глебу еще и о том, что там некоторое время снимал дачу сначала Шлиман, а потом и его сын Сергей, Глеб сразу туда и поехал. Особенно когда узнал, что мой

коллега Афанасий писал мне перед смертью тоже из Градо-нежа. А ведь многим эта внезапная смерть кажется странной. И человек с конференции упоминал моего утонувшего коллегу. Я почему-то стал волноваться из-за Глеба, тем более связь там плохая. Вот, наконец, смс.

«У меня все хорошо, есть интересные находки. Связь исчезает, если получится, завтра напишу подробнее»

Глеб отослал, как ему показалось, успокоительное смс профессору, своему научному руководителю, Александру Владимировичу, и задумался о том, что только что произошло, и о чем он по совету местного краеведа Вадима решил пока никому не рассказывать, даже профессору. И даже о том, что их коллегу может быть убили прошлым летом, и это не было несчастным случаем. Кстати, ведь Александр Владимирович предупреждал, что здесь может быть опасно. Но все складывалось удачно до вчерашнего дня. Глеб посмотрел вдаль. Он стоял на высоком холме. Внизу блестела речка, а справа дальше озеро. В этом простом пейзаже была странная притягательность. Когда он только приехал и впервые вот так же вышел сюда, то почувствовал, что, если не хочет, чтобы это чудное место стало ему потом постоянно сниться, он должен остаться здесь подольше и погрузиться в это дурманящее наваждение запахов липы, трав, золотистого меда. Впрочем, археолог Николай Бугров мечтал тут об иных ароматах. «Запах гнили, Глеб, вот это да, – это то, что обычно связано с находками берестяных грамот». Потом по

просьбе Николая Глеб начал собирать здесь фольклор, и тихая красота этого места стала обрастать легендами, преданиями. Некоторые из них странным образом были похожи на разговоры о талисмане Шлимана, которые последнее время ему часто приходилось слышать. Да, он не ошибся, приехав сюда. Становилось все интереснее и интереснее.

Археологи сейчас жили в сельской школе, находившейся в деревянном здании бывшей усадьбы XIX века. Летом здесь хранили и найденную ими керамику. Двое студентов разбирали её, из окна слышалось их пение с радостным припевом «Опа, опа, ноги из раскопа». Пахло липой, разнотравьем.

Николай целыми днями пропадал на раскопе и ночевал в школе, а Глеб жил то здесь, то в гостинице городка Градонеж, находившемся в трех километрах отсюда. Там был неплохой ресторан.

Гостиница располагалась в каменном особняке, который представлял собой замечательный образец русского модерна начала XX века. В нем причудливо сочетались древнерусские мотивы (наличники, крыльцо) и готические башенки, балконы, что делало его похожим то ли на средневековый замок, то ли на дворец какого-то сказочного города.

А всё же Глебу больше нравилось в школе с археологами. Деревянный дом, запущенный сад, костры по вечерам, печеная картошка, шашлыки, терпкий вкус местных напитков – настоек, медовухи. Песни под гитару, и разговоры... В такие вечера Глебу думалось, зачем люди создают легенды о поис-

ках таинственных городов, вроде местных преданий, когда прямо здесь бывает так просто и хорошо.

А потом случилось первое из череды событий и убийств, о которых он не хотел писать профессору. Рядом с разрушенной ротондой, у больших камней, над обрывом...

Но с утра все начиналось очень хорошо. Ему, наконец, удалось достать часть подлинника исторического романа начала XX века, которым многие так интересовались и даже медальон (или его копию), может быть принадлежавший неизвестному автору романа. По сведениям Вадима все это, в том числе и роман, связаны с находками клада XII века, хранившегося в одной из местных усадеб, но пропавшего во время Гражданской войны.

Именно об этом Глеб всё время думал, возвращаясь из города в школу, чтобы посоветоваться с археологом. Ему нравилась тропинка у озера, по которой он шел. Идёшь по высокому берегу, поросшему вековыми соснами, а внизу под обрывом лежат огромные камни, сверху над ними причудливо торчат корявые корни деревьев, и Глебу виделась в этом суровая красота северной сказки. Но пройдешь несколько шагов и берег понижается в болотистую топь. Там, где в озеро впадает быстрая речка – омуты и бурливый поток. При лунном свете здесь было ещё таинственней. Река вдали блестела загадочно и странно. Но вот луну закрыли тучи и пошел дождь.

Пока Глеб пробирался между мокрых кустов по тропин-

ке, он всё время думал об авторе романа и вдруг понял, что его убили, иначе бы он успел все опубликовать и свои находки тоже. Глеб так ясно себе это представил, ощущение было таким острым, что он внезапно остановился. Это его и спасло. Что-то тяжелое ударило по плечу, хотя, очевидно, метили в голову. От неожиданности и пронзительной боли он поскользнулся. Ливень полил ещё сильнее. Кажется, нападавших было трое. Глеб успел ударить одного, когда другой сорвал с плеча спортивную сумку. Земля скользила под ногами, и не удержавшись, Глеб чуть не упал с обрыва, в последний момент успев ухватиться за корень дерева правой рукой. Вниз что-то посыпалось, с неприятным звуком ударяясь о камни. Да, сорваться с такой высоты – безрадостная перспектива. Хорошо, что хоть нападавшие на него убежали. Лил дождь, дул сильный ветер, дерево скрипело, и каждую секунду корень мог обломиться. В темноте было плохо видно. Но Глеб не зря любовался живописной природой. Он вспомнил, что здесь левее берег должен понижаться, и начинается болотистое место. Надо только достать рукой до корня другого дерева, а потом вон до того кустарника. Корень его выдержал и до куста сначала удалось дотянуться, а вот как только он, с трудом ухватившись за ветки, попытался повиснуть на них, то сразу полетел вниз вместе с отвалившимся куском берега. И оказался в болотной жиже. Сел. Кажется, кроме плеча ничего не болело, только весь он был перемазан грязью. Ливень вдруг кончился, из-за туч выглянула луна.

Рядом валялся большой ком земли, оторвавшийся от берега, и сильно пахло гнилью. Да уж, зато падать было мягко. Можно сказать – спасительный аромат. Недаром его так любит Николай, для него он – аромат археологических открытий. Вот, кстати, и венчик, то есть горлышко от горшка торчит, рядом ещё что-то интересное, возможно лунница, древнерусское женское украшение. Он попытался разглядеть, что ещё там есть, но это оказалось бесполезным, слишком грязно и плохо видно. Наверное, здесь было селище, вроде тех, что Коля уже раскопал недалеко отсюда. Пусть сам и разбирается. Глеб положил весь комок земли с торчащими из него находками в карман испачканной куртки и вечером отдал его Николаю, и перед сном, решил перечитать часть текста романа, которую успел сфотографировать, в надежде понять, что за тайны в нем скрыты. Листы рукописи остались в сумке, которую у него отобрали. Интересно, почему на него напали? Не из-за этого же романа?

Речь там шла о двух отроках и калике Вавиле, о Древней Руси XII-XIII века, о «самой веселой корчме», о мастерах и о каком-то странном камне.

«все, как замороженные слушали одного мужа. Большой, с круглыми, как румяные яблоки, щеками и маленьким носом, он рассказывал, взмахивал толстыми руками с сильными распухшими пальцами

–Ну что же, друзья мои, думаю вам ведомо, а кому нет,

тот сам виноват, что на перекрестке тех трех дорог, где стоит та корчма придорожная, было тогда самое веселое место на нашей земле, а может быть и на всем свете. Почему оно так, и самому старому колдуну неведомо, а только то истинная правда. И вот там-то творились вещи небывалые. Однажды проведал о том один добрый человек, по прозвищу..., как бишь его звали, я и забыл, потом вспомню. Так вот, был он нрава веселого, но и дерзкого. Гильом,— прервал он свою речь.— Что ты там увидел?

Во время их разговора отрок склонился над столом, пытаясь рассмотреть диковинного зверька с выпученными и добрыми глазами, выделанного по краю чаши.

— Как дивно. На той церкви, у которой я родился, тоже были такие, только страшнее. Мне еще про них наш пресвитер рассказывал.

Мастер долго и серьезно поглядел на отрока.

— Любы тебе они? Где-то теперь Збыслав? — Он тяжело вздохнул. — Добрый был мастер, таких рук вряд ли еще найдешь. Помнишь его, Гюрята? — обратился он к корчмарю. Насмешливые глаза того будто затуманились, когда он проговорил:

— Добрый, это правда. Как не помнить. Задолжал он мне однажды, сидит, а из-под рук у него такой чудный зверек выходит, будто плачет. Я ему говорю, подари мне его и никаких кун мне от тебя не нужно. А я, все вы знаете, люблю красу да дивность. «Добро у тебя в корчме, — отвечает он, — да и

я так просто сидеть не могу, коли хочешь, я тут у тебя с радостью разных диковинок исхитрю». И вправду, вон сколько всего вырезал. Да и не он один. Многие мой мед мне узорами отплатили. А мне то любо, посмотрите, сколько тут чар, да дивностей, будто колдовство, – и он гордо обвел руками избу. – Да, многие у меня мастера побывали, но у Збыслава, не в обиду другим будь сказано, в руках вещая мудрость была. И душа – чиста, как родник. А вот судьба его тяжкая. Где-то он теперь, жив ли, кто знает...

– Дивный был мастер, – проговорил и муж с красивым лицом, сам делавший чудные украшения.

– Да, подобный ему вряд ли когда родится, – повторил и тот, кого все самого называли мастером.

– Ну уж, – обратился к нему скоморох, – не он один, есть у нас и другие. – Да вот и ты, из твоей души и твоими руками такое создалось, всем городом тому храму дивуемся. А слышал ли ты... я тут был на пиру у князя, – при этих словах скоморох гордо обвел всех взглядом – и там узнал я, что князь новую церковь хочет ставить. Да какую-то дивную. Не такую, как раньше. Не поймешь, что он надумал, но слушать о том любо. А кому, кроме тебя, по силам такое чудное исхитрить?

– Я теперь только языком строю, – мастер показал свои распухшие пальцы и, словно желая отряхнуть что-то, снова обратился к Гильому.

– А вот этого вот зверька, что тебе понравился, Збыслав

на корабле гостей увидел.

– Да Гильом может спеть нам и песни трубадуров.

– О, его стоит послушать, он много знает, – сказал гость в иноземной одежде. Гильом смотрел на говоривших как-то тихо, но пристально.

– Что я знаю, только то, что слышал от трубадуров, когда был еще мал. Хоть иногда я пытался те слова повторять, но все они как-то по-другому складываются у меня.

– Да как хочешь, так и Расскажи, – заметил золотых дел мастер.

Увидев, что его слушают, отрок заговорил, его лицо стало ясным и голос вдруг таким неожиданно звонким, что все обернулись к нему.

– Пришли варяги из заморья. Море было суровое, то серебристое, то черное. И когда оно пенилось, сердясь, корабли, как щепки, гибли в нем. И потому люди, что рисковали плавать по нему, были дерзки, смелы и находчивы. Они любили битвы, добычу.

– А жен? – заинтересованно спросил Вавила.

– Жен? Любовь викингов, как и их море, есть в ней суровость. Про жен чудные песни слышал я в других странах.

– А как же Харальд, что пел о нашей Елизавете, рассказывают хороша была княжна и нравом гордая.

– Елизавета, то особая песня.

– Дай, Вавила, отроку досказать, – вмешался корчмарь, – кроме жен, на свете еще много чего есть дивного. Мы хотим

про викингов послушать.

Отрок продолжал.

– Холодно было в краю их, и много крови лилось. И пришли они в южный край, а потом на остров.

– И там-то слышал ты уж другие песни и чудные сказки, мнится, они и поманили тебя в дальние края. Расскажи-ка их, – сказал гость в иноземной одежде.

– Да, поют там про любовь, про белокурую Изольду и Тристана, их и после смерти не смогли разъединить, вдруг вырос терновник из его могилы, и как его не рубили, все склонялся к ее гробу. А кто слышал, будто над ними два дерева переплелись ветвями. А еще чудно поют про Грааль.

– Ну, про него ты видать много слышал, – и гость, вдруг словно пораженный внезапной мыслью, воззрился уже хмельными глазами на отрока. – Уж не собрался ли ты его искать, Гильом? Уж не затем ли ты так хотел добраться в Гардарику? Будешь ли ты с нами возвращаться, как отплывем отсюда?

– Еще не знаю, я потом решу.

– Вот оно... А глаза-то у тебя как блестят. Такие-то его и ищут. О, я много видел, – иноземный гость от крепкого меда корчмаря был уже хмельным, и страстная речь его была сбивчива. – Везде люди ищут... Что они ищут... Грааль... камень то, или чаша, по-разному говорят. А в нем либо мудрость, либо счастье. А некоторые думают, что его вообще нет. Вы посмотрите на Гильома, на его глаза. Расскажи-ка ты

братьи про Грааль.

– Да я вправду слышал. Про рыцаря. Он шел длинной дорогой, он усомнился в Боге. Но вот однажды увидел Грааль. В том чуде предвечная сила. Будто бы кто его видит, тому тайна откроется. Там вечная юность, краса, истина. И яства неземные.

– Какие яства?

– Разные, какие кто пожелает.

– Вот это по мне, – Вавила отхлебнул меду. – Такое и я пошел бы искать. А знаешь ли, Гильом, я тебе скажу, наш хозяин тоже одну ворожбу знает, вроде как от твоего Грааля. Что это вы мало пьете? В этой вот чаше, может, тоже тайная сила.

– И под взглядами всех окружающих они выпили, и золотистый крепкий мед чудно завораживал их непривычные к тому головы. И в этой светлой дымке Гильом, для которого тайна Грааля и вправду блестела вдали как манящая песня, слышал кругом пьяные и задорные голоса.

– Вот вы смеетесь над отроком, – заметил красивый золотых дел мастер. – А может, этот Грааль и вправду у нас. Краев-то глухих у нас много. И чего только люди про них не рассказывают.

– Как ты сказал – Грааль? – Кузнец нахмурился, что-то припоминая, подняв отяжелевший взгляд от чаши. – Уж не про него ли те двое говорили. Пришли подковать коня, а я, прости господи, хмелен был, толком их не разглядел, так го-

лова болела. Однако ж за дело взялся. А они вроде мужи-то, как все, и кони хорошие, а между собой такую безлепицу молвят, точно помешанные или юродивые. И вот про камень какой-то... Может он и здесь, говорит один, может его увезли, спрятали, а живущие здесь называют Бел-горяч камнем. Уж зачем он им был нужен, не помню, однако заплатили хорошо.

– Это правда, всякое говорят. Будто есть у нас такие места на земле, где черти, что творится, то ли колдовство, то ли такое, что и сказать о том не знаю как, – заметил корчмарь.

– И я от нашего пресвитера тоже об этом слышал, тогда, еще давно, в моем дальнем краю. И с тех пор очень хочется мне узнать об этом. – И Гильом вопросительно посмотрел на бражников.

– А вот как вы пришли, мастер про одно такое и рассказывал. Про самое веселое место, про ту корчму, да про многое другое.

Тут в избу вошли четверо. Трое несли гусли, за ними высокий однорукий человек, сразу молчаливо усевшийся в углу.

Дверь они так и оставили приоткрытой. Старший из гуслиров проговорил:

– Ух, и жарко тут у вас, братия. И изба натоплена, и вы видать все тут очень горячи, или слова ваши, как огонь. Или мед у тебя корчмарь особенный. – Корчмарь поставил перед ними чаши.

– В меде у меня есть свой жар, что верно, то верно. Посмотрите-ка на них всех. И сами попробуйте.

– Еще бы к твоему меду потешили бы вы странников забавной какой сказкою.

– Истинно говорят, дай премудрому вина, премудрее будет, – проговорил мастер. – Отроки, налить вам еще? Выпьем, Гильом, и ты, Влас.

А Гильом и вправду следил за их речами сквозь сладкую мглу. Мед корчмаря оказался для него дивным напитком.

– А вот еще, что про ту корчму рассказывают, – проговорил мастер. – Шел к той корчме муж, в одной руке нес уголья, а в другой воду. «Что это у тебя? – его спросили. «А вот хочу я залить ад и поджечь рай. Чтобы творили люди добро не из страха перед геенной, и не ради рая, будто ради награды, а из любви, ведь любовь есть Бог, а Бог есть любовь».

– И чего только в моей корчме не услышишь. – сказал корчмарь.

– Это верно А я знал человека, который тот камень видел. Хотя, он, думаю, погиб в плену.

– Будет тебе врать-то, – Вавила оглядел скомороха, – ты ещё скажи, что до Ярилиной веси доходил и до Бел-горюч камня, и даже до разноцветного рая.

– Ну, там я не был. Хотя, может, и догадываюсь, где туда пролегает дорожка..

– Ну, и где же? – спросил золотых дел мастер.

– Будто ты и не знаешь. К тебе много народу ходит, небось

ты и сам слышал.

— Кабы догадывался, то не спрашивал бы, — пожал плечами золотых дел мастер. Во всем его облике, казалось, так и отразилась красота тех тонкими искусно сделанных вещей, от женских безделушек до церковной утвари, которые ценились не только в их городе, но и в иных краях. Он не был одет роскошно, но и фибула на корзно, гривна, перстни на гибких пальцах были полны той простой изысканностью, что часто сопутствует божьему дару.

— Я думаю — та диковинная корчма, о которой мастер рассказывал, стоит по пути к Ярилиной веси.

— Ох, Местята. Ты как меду набираешься, так всякую безлепицу и несешь, — заметил толстый мастер.

— Ну, я бы так сразу ругаться не стал. И коли не все принимаете, то хоть половину, а коли не верите, то зачем спрашиваете? А я вот еще слышал, что тот городок Третий Китеж, что Изяслав основал, стоит по дороге туда же — к Белгорюч камню и Ярилиной веси. А тебе-то самому про Ярилину весь кто говорил? — обратился Местята снова к золотых дел мастеру.

— Как и всем, разные люди. Да вот хоть однажды, помню, боярышня, зашедшая в мастерскую, про нее помянула. Увидела у меня одно изделие и говорит, что за чудный камень у тебя? Уж не из Ярилиной ли веси, такие только там и бывают. А он и вправду попал ко мне по случаю, а откуда — не знаю. Зашел под вечер человек в корзно, разбудил меня, я

даже и лица его не рассмотрел. «Не можешь ли ты, – говорит, – мастер, оценить эту безделицу? И можешь ли сделать еще такую же?» И протянул мне. Странная была вещица, а сам камень и того дивнее. «Дозволь спросить, откуда он у тебя?» – «А не все ли тебе равно, – говорит, – считай, что достал я его в Ярилиной веси». – «Не могу я, – отвечаю, – брать его у тебя, коль не хочешь сказать откуда, а лишь сказки рассказываешь». – «Ты что, – говорит незнакомец, – боишься он краденый?» – «Не хочу тебя обидеть, но Бог его знает, все на свете бывает, зря ты пришел ко мне, да и не могу я его сейчас рассмотреть, темно». – «Ну, тогда я оставлю его до утра». Сказал, и пошел прочь, а от двери крикнул: «А если не вернусь я завтра, делай с ним, что хочешь».

– Ну, а дальше что? – спросил корчмарь.

– Хоть и темно было, только одна свечка тогда у меня горела, но очень хотелось мне его разглядеть. Всё на нем переплелось, узоры разные. Ну, очень уж плохо было видно. А тут вдруг входит эта боярышня. Заглядывают они ко мне по моему ремеслу часто, но на эту я про себя чертыхнулся. Вот, думаю, принесло не ко времени. И стала всякие мои изделия смотреть, попросила и тот, и ну вертеть, к двери поднесла, открыла ее, луна была яркая, а у девок глаза-то острые, видать что-то и разглядела. Хорош, говорит, прямо, как из Ярилиной веси. И как она это сказала, запало мне что-то в ум, будто заноза, и что это, не пойму, и словом не скажешь. Да и странно мне как-то в тот вечер томно было, в дверь, что

она раскрыла, соловьи поют и еще что-то, и какая-то нить, сначала неясная, появилась... Ну, однако, виду я не подал, от этих девок, думаю, одно наваждение. «Мне, отвечаю ей, какая разница, хоть из Ярилиной веси, хоть из Вырья, только бы все по-честному». Ушла она скоро. И ведь не пришло мне тогда в голову, отчего это они все про Ярилину весь поминают, и лиц их не было видно, боярышня та тоже закутана была. А может и не боярышня-то вовсе, кто ее знает, что за девица. Ночью я все о том думал, и потом мне сны какие-то чудные снились. А утром, глядь, а камня того уже нет. Но и человек тот тоже не пришел. Хоть я и прождал его целый день.

– Один тать принес, другой и украл, – заметил кузнец, – сам говоришь, дверь раскрытая была.

– А может, это боярышня, уж очень он ей понравился? – предположил Местята.

– Не может того быть.

– Ну, не скажи. Жены у нас такие, что Бог их знает, что у них на уме. Может и не эта, а какая-нибудь другая утащила, как сорока. Много их к тебе ходит. А от всех этих твоих узорочий, каменьев и хитрых безделиц у них у всех будто ум мешается, – вздохнул Вавила. – Принесешь ей перстенок, и слова такие ласковые сразу наговорит, ты и свет очей ее, и как видит тебя, словно обмирает, ну прямо сейчас на землю упадет. Нет, чтобы мужа так, без подарка приветить. А уж коли нет ничего, как вот сейчас у меня, то лучше к ним и

не соваться.

— Ну, Вавила, ты опять про жен. Если и девица утащила, думаю, не из простого любопытства, — сказал толстый мастер задумчиво, — может то был камень Шамир, который нашел Соломон, чтобы построить храм Господень, говорят, такой камень особо мастерам помогает, когда они ищут свой путь, или может, то был тайный змеевик, что по новгородскому пророчеству поможет, когда придет погибель на нашу землю. Но мастера спасутся и спасут камень

Мы не умолчим, а скажем:

И тому чуду дивуемся,
как иные мудрые
ищут тайный камень
и знаки на его пути.

А имени его не знают, кто говорит, Бел горяч камень, кто — Синь камень, а франки по -другому называют...

После этих слов другими чернилами и другим почерком очень неразборчиво было приписано:

Камень, что хранится здесь, и предсказание о том, что мастера спасутся и спасут камень, ложь то или правда, не ведаю.

И это было так, нам дано было подняться перед тем, как великие бедствия придут на нашу землю.

И с той силой, как некие мудрецы ищут камень, так и я

мечусь в своей жизни.

И если ты прикоснешься к этому, древние тайны начнут тебя преследовать, они будут тебе сниться. Потому и многие из наших путешествуют: кто в Египет к пирамиде Джосера, кто на Крит к Эвансу, открывшему минойцев. Но прежде найди тот лесной монастырь. И то, что там осталось...

На этом отрывок обрывался. Глеб подумал, что разбиться с этим лучше на свежую голову, и лег спать. Ночью ему приснился странный сон: два мастера, старик и мальчик, идут по пепелищу к сожженной деревне.

А утром... Это было замечательное утро в начале ужасного дня: удивительное открытие и убийство (или несчастный случай, так похожий на убийство).

В восемь утра к нему стремительно вбежал Николай. Николай был высоким, белокурым, таким Глеб представлял себе, например, русского богатыря Микулу Селяниновича (тем более, что тот получил свою силушку от земли, а археолог тоже часто в ней копался). Он нес в руке бутылку травяной настойки. И у него было странное выражение лица.

– Глеб, ты не представляешь себе, что ты нашел!

– Думаю то, чем вы забили уже полдома, – вашу любимую керамику XII века.

– Какая керамика? Где ты подобрал то, что вчера мне принес?

– Да там же, куда свалился, под обрывом.

– Вместе с лунницей и черепком ты принес берестяную грамоту. Не зря я говорил, что дерево здесь сохраняется не хуже, чем в Новгороде. Но дело не только в этом. Грамоты сейчас находят во многих местах, но эта довольно легко читается. Ты знаешь, что там написано? Это тебе не перечисление долгов или товаров, как на большинстве из них.

– Судя по твоему сияющему виду – кусок «Слова о полку Игореве».

– Почти! Второго по красоте и загадочности произведения того времени.

– Неужели «Слова о гибели Русской земли»?

– Вот именно.

– Если это так, то, в самом деле, это не менее таинственно, чем «Слово о полку Игореве». Существуют только два его списка, и все оборванные, там только начало. Меньше только «Поучение Мономаха» – один, и «Слово о полку Игореве», списка которого вообще нет.

Поставив бутылку на стул, Коля бережно протянул Глебу два кусочка стекла, между которыми лежала грамота. Он смог только так обработать ее в походных условиях. Но грамота оказалась такой хорошей сохранности, что можно было разобрать часть текста.

– Смотри, почти точная цитата из «Слова о гибели». А вот это тебе ничего не напоминает?

– Очень похоже на предложение из исчезнувшего романа. Глеб принес из комнаты стаканы, разлил в них настойку.

– За это надо выпить. Ты понимаешь, что получается? Ведь все списки «Слова о погибели» так же, как и сгоревший «Слова о полку Игореве», – поздние, не раньше XVI века. А тут очевидный XIII век.

– Похоже открытие, и какое!

– И это еще не всё. В романе герой говорит фразу, которой нет в списках «Слова о погибели». Но она есть в той берестяной грамоте, что мы нашли. Кроме этой фразы, в берестяной грамоте еще есть цитата из “Слова о погибели”.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.